

УДК 811.161.1'38'42: 82-1
DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Н. С. Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Изучение речемыслительной деятельности автора и адресата в процессе сотворчества на основе текста как формы коммуникации относится к числу наиболее актуальных проблем в русистике. Современная когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания и развитие коммуникативной теории текста открывают новые перспективы в исследовании текста как объекта восприятия, интерпретации и понимания.

Цель – опираясь на теорию регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики текста, выявить некоторые лингвокогнитивные механизмы формирования гиперконцепта как результата интерпретационной деятельности воспринимающего текст субъекта.

Материал и методы. Исследование основано на анализе, сравнении и обобщении научной литературы по теории и истории вопроса, на использовании методологии и понятийно-терминологического аппарата теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста, применении концептуального, лингвосмыслового, семантико-стилистического анализа. Материалом исследования послужили стихи известных русских поэтов Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. А. Заболоцкого.

Результаты и обсуждение. За исходное взято положение о том, что в основе интерпретации текста адресатом лежат лингвокогнитивные механизмы – речемыслительные процессы, формирующие обобщенный смысл текста (гиперконцепт), стимулированные общей системой текста, включающие когнитивные операции анализа, сравнения, синтеза с опорой на ассоциативную деятельность и имеющийся у индивида опыт. В выявлении гиперконцепта важны регулятивная стратегия текста, способы регулятивности, регулятивные средства и структуры, использованные автором в тексте с ориентацией на сотворчество с адресатом, «управление» его познавательной деятельностью. Особенно значима лексическая система текста, стимулирующая его ассоциативно-смысловое развертывание в сознании читателя. Интерпретационная деятельность предполагает взаимосвязь актуализированных в тексте концептов в рамках его общей концептуальной структуры на основе отношений дополнения, усиления, контраста, включения, сопоставления, обобщения. С учетом этого, опираясь на теорию регулятивности, были выявлены лингвокогнитивные механизмы формирования гиперконцепта: 1) сквозной усилительно-конвергентный, связанный с последовательным усилением ключевого концепта различными регулятивными средствами и структурами в рамках индуктивно-дедуктивной лексической макроструктуры текста, с повтором как способом регулятивности и регулятивной стратегией поэтапного усиления семантических признаков ключевого концепта; 2) замкнутый последовательно-дополнительный, проявляющийся в поэтапной художественно-образной конкретизации разных признаков гиперконцепта на основе использования сильной регулятивной стратегии однородного эксплицитного типа и повтора как основного способа регулятивности; 3) сопоставительно-парадоксальный, стимулированный регулятивной стратегией парадоксально-контрастного типа, контрастом как основным способом регулятивности и текстовыми парадигмами антонимического типа как регулятивной доминантой; 4) сопоставительно-синтезирующий, отражающий синтез (обобщение) на основе сопоставительного ассоциативно-смыслового развертывания разных граней (признаков) ключевого концепта, стимулированных ступенчатой лексической макроструктурой индуктивно-дедуктивного типа.

Заключение. Использование теории регулятивности и ее понятийно-терминологического аппарата позволяет судить о некоторых заданных в поэтическом тексте автором закономерностях организации интерпретационной деятельности адресата и лингвокогнитивных механизмах формирования общего смысла текста. Полученные наблюдения представляют интерес для дальнейшей разработки проблемы смысловой интерпретации и методики смыслового анализа текста.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, теория регулятивности, интерпретация, лингвокогнитивный механизм, гиперконцепт, поэтический текст.

Введение

Когнитивный подход к анализу художественного текста в русистике является особенно востребованным в последние годы в связи с новой когнитивно-дискурсивной парадигмой лингвистического знания и значимостью глобальной проблемы интерпретации текста, допускающего вариативность его восприятия и понимания. Проблема интерпретации всегда была и будет актуальной для специалистов разных областей знания и каждого

участника коммуникации в процессе его жизнедеятельности. Хотя в современной русистике усиливается медийный вектор ее развития, интерес к поэтическим текстам, выполняющим эстетическую функцию, наряду с коммуникативной, по-прежнему сохраняется ввиду особой роли поэзии в русской культуре и духовном развитии личности.

Интерпретационная деятельность личности имеет коммуникативно-когнитивный характер, так как предполагает включение текста как объекта

вторичной коммуникативной деятельности в сложные и по-разному протекающие в сознании каждого индивида процессы его осмысления и понимания. При этом, вступая в диалог с текстом и автором, «стоящим за ним», читатель мобилизует свои знания и опыт, создает свой вторичный текст. Он является реакцией на первичный текст и имеющуюся в нем систему знаков и знаковых последовательностей, отражающих интенции автора и его ориентацию на диалог с адресатом.

Проблеме смысловой интерпретации посвящено достаточно много работ в разных сферах знания. Обширная история вопроса включает труды в области герменевтики [1–3 и др.], психологии и психолингвистики [4–10], литературоведения [11–12 и др.], когнитивной и коммуникативной лингвистики [13–17], стилистики текста [18–21], теории и методики обучения [22–24 и др.].

О трансфере идей герменевтики в когнитивную лингвистику писал В. З. Демьянков [14]. По мнению ученого, «герменевтику можно считать и источником, и составной частью когнитивных наук» [14, с. 11]. Рассматривая проблему речевого взаимодействия, Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева выделяют его когнитивные доминанты, к которым относят не только конкретные концепты и категории, но и тематический, субъектный, социокультурный, инструментальный и интенциональный принципы, учитывающие «разные типы знания в организации общения и достижении поставленных целей» [17, с. 15].

Особый интерес представляет разработка лингвокогнитивных аспектов смысловой интерпретации художественных текстов, концептуальная макроструктура которых в процессе интерпретационной деятельности адресата (читателя, исследователя) определяет его приобщение к поэтической картине мира автора. Общее направление когнитивных исследований художественного текста в русистике связано с переходом от анализа отдельных концептов в творчестве одного автора и разных (см., напр.: [25–31] и др.) к изучению концептосферы отдельных текстов и их концептуальной структуры, т. е. анализу взаимосвязи вербализованных в них отдельных концептов и выявлению обобщенного смысла (см. исследования [18–21; 32–35] и др.).

Целью статьи является выявление некоторых лингвокогнитивных механизмов актуализации гиперконцепта в поэтическом тексте на основе теории регулятивности и методики его концептуального анализа.

Материал и методы

Исследование основано на анализе, сравнении и обобщении научной литературы по теории и

истории вопроса, на использовании методологии и понятийно-терминологического аппарата теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста, применении концептуального, контекстологического и семантико-стилистического анализа. Для выявления возможных закономерностей в «управлении» познавательной деятельностью адресата в качестве материала исследования были взяты стихи известных поэтов Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. А. Заболоцкого, творчество которых связано с разными этапами развития русской поэзии.

Результаты и обсуждение

За исходное взято положение о том, что в основе интерпретации текста адресатом лежат лингвокогнитивные механизмы – речемыслительные процессы, стимулированные общей системой текста, включающие когнитивные операции анализа, сравнения, синтеза с опорой на ассоциативную деятельность и имеющийся у индивида опыт, а итогом является осознание общего смысла (гиперконцепта), репрезентированного текстом. Гиперконцепт определяется нами как обобщенный смысл текста, результат интерпретационной деятельности адресата на основе свертывания полученной и переосмысленной эстетической информации, репрезентированной всей системой текста. При этом мы разделяем концепцию исследователей Е. В. Щуровой и Е. А. Гончаровой: «Понимание и интерпретация как реализация понимания могут иметь место лишь при условии осуществления читателем мыслительных операций анализа и синтеза <...>. В процессе синтеза происходит восстановление первоначальной целостности исследуемого объекта и верификация полученных данных о его ранее неизвестных свойствах» [36, с. 272].

Методика моделирования концептов в узусе на уровне национальной картины мира достаточно отработана (ср., например, известную концепцию З. Д. Поповой, И. А. Стернина [37, с. 158], предполагающую анализ различных лексикографических источников, семантики и системных связей слова как номината концепта, проведение ассоциативного эксперимента и привлечение данных об использовании этого слова в текстах разных типов).

В начале XXI в. исследование концептуальной структуры целого текста наблюдалось применительно к художественным прозаическим произведениям. Например, процедура анализа концептуальной структуры текста, предложенная М. Р. Прокураковым [32, с. 9] и апробированная на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот», опирается на анализ тезауруса произведения, выделение частотности словоупотреблений в нем, определение ключевых и тематических слов в сильной по-

зиции, учет частоты (плотности) повторов словоупотреблений.

В процедуре концептуального анализа Л. Н. Чурилиной [33, с. 13], использованной для изучения романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», также учитывается частотность лексических элементов, выявление ключевых слов, анализ их ассоциативно-смысловых полей с последующим моделированием совокупного ассоциативного поля на основе выделения лексико-семантических групп, которые отражают личные концепты персонажей. Базовый, по мнению автора, концепт *любовь* в рассматриваемом тексте, согласно предложенной исследователем процедуре, формируется на основе пересечения и наложения персонажных концептов, так как он «входит в личностные концептосферы всех центральных персонажей романа» [33, с. 17].

Что касается поэтического текста, О. И. Северская [24], например, использует методiku смысловой интерпретации, связанную с рассмотрением его *информационной структуры*. Предложенная исследователем процедура отражает информационно-кодую модель анализа, по определению Н. Д. Голева и Л. Г. Ким [15, с. 144], и ориентирована на реконструкцию авторского замысла: «Двигаясь от „данного“ к „новому“ и „новейшему“, можно почти однозначно реконструировать замысел автора» [24, с. 52]. В основе этой методики лежит опора на тематическую структуру разных топиков, анализ синтаксической организации текста с выделением «данного» и «нового», «темы» и «ремы» и связь с ситуациями: «Топик служит указанием пределов варьирования темы и изменения связанных с ней актуализированных в пространстве текста референтных ситуаций» [24, с. 53].

В используемой в коммуникативной стилистике интеракционной модели подхода к тексту [15, с. 144] делается акцент на характере приобщения адресата к сотворчеству с автором через текст, а интерпретация рассматривается как когнитивная деятельность, связанная с созданием вторичного текста, формируемого в сознании адресата.

В рамках коммуникативной стилистики текста деятельностный подход к тексту реализуется на основе теорий регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста, что предполагает моделирование его обобщающего смысла в процессе интерпретационной деятельности адресата с опорой на текстовую организацию [18–21]. При этом используются разные процедуры его анализа на основе лексической структуры текста, учитывая ключевую роль слов и их ассоциативных связей в восприятии, интерпретации и понимании текста. Моделирование концептов в работах по коммуникативной стилистике осуществляется на основе выявления текстовых ассоциативно-смы-

словых полей, включающих номинат, актуализаторы концепта и опорные слова, конкретизирующие их. Анализ общей концептуальной структуры текста основан на взаимосвязи репрезентированных в нем концептов по типу дополнения, усиления, включения, контраста, взаимной детерминации (см. подробнее об этом [18–19]). Такой подход позволяет выявить его эстетический смысл как результат интерпретационной деятельности адресата (читателя, исследователя), выступающего в роли активного субъекта коммуникации. При этом возможны инвариант и варианты, так как в процессе вторичной деятельности важен не только текст как объект восприятия, но и информационный тезаурус читателя и его опыт (культурный, языковой, социальный).

Концептуальная структура текста в рамках коммуникативной стилистики текста определяется как «осуществляемый в сознании читателя процесс формирования и взаимодействия художественных концептов разных типов, стимулированный ассоциативно-смысловым развертыванием текста на основе его лексической структуры» [20, с. 323]. В ряде работ по данному направлению с опорой на теории регулятивности текста и теорию текстовых ассоциаций были проведены исследования отдельных концептов и их связи в поэтических текстах Н. С. Гумилева [38], О. Э. Мандельштама [35, 39]; З. Н. Гиппиус [30]; М. И. Цветаевой [31, 34 и др.].

Возможны разные лингвокогнитивные механизмы формирования гиперконцепта в системе поэтического текста с учетом использованных в нем регулятивных стратегий, способов регулятивности, регулятивных средств и структур. Регулятивная стратегия трактуется как связанная с коммуникативной стратегией ее составляющая, как средство, дающее ключ к осознанию авторского замысла, отражающая поэтапное приобщение к целевой программе текста, интенциям автора. Под способами регулятивности понимаются принципы текстового развертывания (повтор, конвергенция, обманутое ожидание, контраст). Регулятивные средства соотносятся с элементами текста, связанными с микроцелями автора, а регулятивные структуры – с взаимосвязью регулятивных средств на уровне приемов, текстовых парадигм разных типов, ассоциативных полей.

Опираясь на теорию регулятивности как системное качество текста, выделенное Е. В. Сидоровым [40], рассмотрим разные лингвокогнитивные механизмы актуализации гиперконцепта на примере поэтических текстов Ф. И. Тютчева, З. Н. Гиппиус, И. Бунина, Н. Заболоцкого. Данные лингвокогнитивные механизмы определяют ассоциативно-смысловое развертывание поэтического текста в сознании читателя на основе репрезентации и

эстетической актуализации автором художественных концептов, их сопряженности, основаны на регулятивном потенциале текста, коррелируют с процессом понимания в концепции А. А. Брудного: выделением элементов, их переосмыслением и переструктурированием и монтажом [5]. По мнению ученого, «параллельно с монтажом и перецентровкой происходит формирование концепта текста – его общего смысла» [6, с. 142]. Рассмотрим данные механизмы.

1. *Сквозной усилительно-конвергентный лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта.* Он основан на последовательном усилении ключевого концепта в перспективе текста различными регулятивными средствами и структурами в рамках лексической макроструктуры индуктивно-дедуктивного типа; повтором как способом регулятивности; регулятивной стратегией поэтапной актуализации семантических признаков ключевого концепта в процессе его художественно-образной конкретизации.

Например, в стихотворении Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1852–1854) ключевой концепт, актуализированный тройным повтором, включая название, далее раскрывается и усиливается на основе таких лексических, морфологических, синтаксических, графических *средств регулятивности*, как метафоры, эпитеты, сравнение, междометие, обращение, многоточие, восклицательные знаки:

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.*

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.*

Неоднократное использование повтора как *основного способа регулятивности* акцентирует внимание читателя на повторяющихся элементах, усиливает общий эстетический эффект произведения и его прагматику (1) *Сияй, сияй, прощальный свет / Любви последней, зари вечерней!* 2) *Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье*).

Смысловые текстовые парадигмы как регулятивные структуры, основанные на ассоциативно-смысловой сопряженности слов, последовательно

раскрывают и усиливают содержание ключевого концепта, актуализируя его признаки: нежность, трепетность (ср. текстовые ассоциаты *нежней, сиянье, очарованье, нежность, блаженство*); боязнь потери (*суеверней, тень, безнадежность*); скоротечность и безысходность (*полнеба обхватила тень, вечерний день, скудеет в жилах кровь* (намек на то, что часть жизни прожита и наступает вторая ее половина, последний этап)).

Обобщенный образ лирического героя, актуализированный местоимением *мы*, раскрывается благодаря повторяющимся обращениям к судьбе, которая подарила радость последней любви и горькое осознание того, что жизнь конечна (ср. смысловые текстовые парадигмы с семантическими признаками *боязнь потери (суеверней, тень, безнадежность)* и *просьба о продлении (Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье)*).

Гиперконцепт стихотворения, последовательно конкретизируемый автором в процессе ассоциативно-смыслового развертывания текста, эксплицитирован в заключительных строчках как итог и усиление всего предыдущего развертывания лирического монолога: *О ты, последняя любовь! / Ты и блаженство, и безнадежность*.

Подобный сквозной усилительно-конвергентный лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта представлен и в других стихах Ф. И. Тютчева: «Весенние воды», «Silentium» и др., в некоторых стихах И. Бунина: «Одиночество», «Сумерки»; З. Н. Гиппиус: «Берегись...», «Петербург» и др., Н. А. Заболоцкого: «Поэма весны», «Портрет», «Метаморфозы» и др.

2. *Замкнутый последовательно-дополнительный лингвокогнитивный механизм развертывания гиперконцепта.* Проявляется в поэтапной художественно-образной конкретизации разных признаков гиперконцепта на основе использования автором текста *сильной регулятивной стратегии* (по наличию ярких регулятивных средств) *однородного эксплицитного типа* (по наличию однородных доминирующих средств регулятивности), а также повтора как *основного способа регулятивности*. Этот механизм стимулирован индуктивно-дедуктивной лексической макроструктурой текста, имеющей ассоциативно-замкнутый характер.

Например, в стихотворении И. А. Бунина «Вечер» (1909) гиперконцепт репрезентирован трижды: в самом начале текста (*А счастье всюду*); в середине (*А счастье только знающим дано*); в конце (*Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне*).

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно –
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.*

*В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.*

*Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.*

*День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.*

В качестве средств регулятивности автор использует описание обычных деталей окружающего мира, сопровождая пейзажную зарисовку эпитетами (*осенний, чистый, бездонное, усталый*), метафорами (*Встает, сияет облако; небо опустело*). Благодаря повтору как основному способу регулятивности в сознании читателя эстетически актуализируются разные грани (признаки) ключевого концепта *счастье*:

– это не только то, что было в прошлом (*О счастье мы всегда лишь вспоминаем*);

– дано тем, кто знает ему цену (*А счастье только знающим дано*);

– есть в окружающем мире (*...День вечереет, небо опустело / Гул молотилки слышен на гумне...*);

– это ощущение жизни (способность видеть, слышать) в душе человека (*Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне*).

Данный лингвокогнитивный механизм задан индуктивно-дедуктивной ступенчатой лексической макроструктурой эксплицитного типа; в итоге формируется общий гиперконцепт как итог интерпретационной деятельности читателя – *счастье в возможности жить и быть частью окружающего мира*.

Замкнутый последовательно-дополнительный лингвокогнитивный механизм репрезентации гиперконцепта представлен и в других стихах И. А. Бунина: «Ночь печальна, как мечты мои...», «Еще утро не скоро. Не скоро...» и др., в некоторых стихах других поэтов, например, в лирике З. Н. Гиппиус: «Слова любви», «Весенний ветер», «Все мое» и др.

3. *Сопоставительно-парадоксальный речемыслительный механизм формирования гиперконцепта*. В этом случае лингвокогнитивный механизм стимулирован регулятивной стратегией парадоксально-контрастного типа, для которой характерна актуализация парадоксальных смыслов текстового развертывания и контраст как основной способ регулятивности. В качестве регулятивной доминанты при этом обычно используются текстовые парадигмы антонимического типа.

Ярким примером такого способа формирования гиперконцепта «*вера в лучшее вопреки всему*» является стихотворение З. Н. Гиппиус «Будет» (1922), в котором автор использует регулятивную стратегию парадоксально-контрастного типа:

*Ничто не сбывается.
А я верю.
Везде разрушение,
А я надеюсь.
Все обманывают,
А я люблю.
Кругом несчастье,
Но радость будет.
Близкая радость,
Нездешняя – здесь.*

Основной способ регулятивности в данном тексте – контраст, который репрезентирован текстовыми парадигмами антонимического типа (*не сбывается – верю; разрушение – надеюсь; обманывают – люблю; несчастье – радость*). Для актуализации гиперконцепта «*вера в лучшее вопреки всему*» автор использует кольцевую ассоциативно-замкнутую лексическую макроструктуру (термин С. М. Карпенко), акцентируя внимание на заключительных строчках стихотворения, которые перекликаются с его названием, выраженным неполным предложением «Будет», интригующим читателя сначала и понятным в конце: *Но радость будет. / Близкая радость, / Нездешняя – здесь*.

Важными для смысловой интерпретации текста и его прагматики оказываются и использованные в тексте регулятивные структуры, основанные на синтаксическом параллелизме и анафоре, определяющие смысловую завершенность первой композиционной части стихотворения, которая строится на парадоксах с использованием противительных союзов *а* и *но*: *Ничто не сбывается. / А я верю. / Везде разрушение, / А я надеюсь. / Все обманывают, / А я люблю. / Кругом несчастье, / Но радость будет*. Нераспространенные краткие синтаксические конструкции формируют особый нервный, «рваный» ритм текстового развертывания. Использование эпитетов *близкая, нездешняя* в конце призвано усилить признак *вера в радость вопреки всему*. Лирическая героиня З. Н. Гиппиус, как и сам автор в реальной жизни, противостоит окружающим, смело действует вопреки обстоятельствам и верит в радость. Это ощущение передается и читателю.

Сопоставительно-парадоксальный речемыслительный механизм формирования гиперконцепта реализуется и в других стихотворениях З. Н. Гиппиус, отражая ее картину мира и идиостиль. Например, в стихотворениях «Сызнова» (1907): *Хотим мы созидать – и разрушать. / Все сызнова*

начнем, сначала. / Ужели погибать и воскресать / Душа упрямая устала? <...>; «Посвящение» (1894): Небеса унылы и низки, / Но я знаю – дух мой высок / Мы с тобой так странно близки / И каждый из нас одинок <...>.

Данный лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта нашел отражение и в некоторых стихах Ф. И. Тютчева: «О, как убийственно мы любим...», «Волна и дума», «День и ночь» и др.

4. *Сопоставительно-синтезирующий лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта.* Этот механизм стимулирования гиперконцепта в сознании адресата реализуется при сопоставительно-индуктивном ассоциативно-смысловом развертывании текста, стимулированном ступенчатой лексической макроструктурой индуктивно-дедуктивного типа. Общий эстетический смысл текста (гиперконцепт) формируется как синтез, итог обобщения в сознании читателя отдельных параллельно репрезентированных в тексте локальных концептов, сопоставляемых читателем и фокусирующих разные грани ключевого концепта.

Такой лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта реализован, например, в стихотворении Н. А. Заболоцкого «О красоте человеческих лиц» (1955). Ключевой концепт *красота* эксплицирован в сильной позиции названия текста. Последующее ассоциативно-смысловое развертывание стихотворения содержит актуализацию локальных концептов, отражающих разные грани ключевого концепта, судя по лицам людей как проявлению их внешности, внутренней сущности, характеров, отношения к окружающему миру:

*Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.*

Основной способ регулятивности в данном стихотворении – *контраст*, который связан с противопоставлением двух его частей, отражающих многообразие лиц как проявление разных граней красоты внешней и внутренней. Яркой регулятив-

ностью характеризуется заключительная часть текстового развертывания, в которой репрезентируется гиперконцепт данного поэтического текста и его основной пафос – *гимн внутренней красоте, духовной*. В этой части ассоциативно-смыслового развертывания стихотворения основным способом регулятивности является *конвергенция*, т. е. использование разных регулятивов для одной цели – образной конкретизации в сознании читателя идеи духовной красоты. Это достигается благодаря сопряженности взаимно усиливающим друг друга в смысле словом и прагматическом отношении эпитетам (*ликующих, сияющих, небесных*), сравнениям (*подобья ликующих песен, как солнце*) и развернутой метафоризации (*сияющие ноты, песня небесных высот*).

Регулятивной доминантой (доминирующим регулятивным средством) в стихотворении являются сравнения, использованные 7 раз. В сочетании с эпитетами и индивидуально-авторскими метафорами они создают кумулятивный эффект и усиливают прагматику текста. *Регулятивные структуры* (анафора и синтаксический параллелизм) формируют общую сдержанную тональность философских размышлений автора о красоте:

*Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.*

Концептуальная структура текста, формируемая в сознании читателя, отражает взаимосвязь локальных концептов, связанных с ключевым концептом *красота*. Локальные концепты в процессе текстового развертывания создают запоминающуюся картину многообразия лиц, отражающих разные типы людей. Для этого автор использует однородное лексическое развертывание текста на основе смыслового сопоставления и противопоставления текстовых тематических парадигм – лиц людей и разных типов зданий (сравним: *пышные порталы – жалкие лачуги; темницы, башни – малая хижинка*).

Благодаря сопоставительно-контрастивной регулятивной стратегии текстового развертывания в сознании читателя формируются локальные концепты:

- внешняя красота и величие при незначительности внутренней сущности человека (*Есть лица, подобные пышным порталам, / Где всюду великое чудится в малом*);
- непривлекательность как отражение убогого внутреннего мира (*Есть лица – подобия жалких лачуг, / Где варится печень и мокнет сычуг*);
- безжизненность лиц как отражение мрачного мироощущения (*Иные холодные, мертвые лица / Закрыты решетками, словно темница*);

– холодность и равнодушие лиц как отражение высокомерия к окружающим (*Другие – как башни, в которых давно / Никто не живет и не смотрит в окно*);

– внешняя непривлекательность и внутренняя красота души в сочетании с богатством внутреннего мира (*Но малую хижинку знал я когда-то, / Была неказиста она, небогата, / Зато из окошка ее на меня / Струилось дыханье весеннего дня*).

Связанные отношения сопоставления и контраста, данные локальные концепты, олицетворяющие разные лица (типы) людей, формируют представление о многообразии граней ключевого концепта *красота* и обобщенный смысл (гиперконцепт) – *гимн внутренней красоте человека* благодаря завершающей стихотворение сильной эксплицитной регулятивной структуре, включающей эпитеты, сравнения, метафоры: *Поистине мир и велик и чудесен! / Есть лица – подобья ликующих песен. / Из этих, как солнце, сияющих нот / Составлена песня небесных высот*.

Сопоставительно-синтезирующий лингвокогнитивный механизм формирования гиперконцепта находит отражение и в стихах других авторов. Например, он репрезентирован в стихотворении И. А. Бунина «Сквозь ветви» (1903–1905), в котором параллельно и последовательно репрезентируются на основе регулятивности текста концепты, актуализирующие негативное мироощущение (семантику увядания, ухода, обмана) и позитивный взгляд на мир, связанный с надеждой, беззаботностью, прощением: *Осень листья темной краской метит: / Не уйти им от своей судьбы! / Но светло и нежно небо светит / Сквозь нагие черные дубы, // Что-то неземное обещает, / К тишине уводит от забот – / И опять, опять душа прощает / Промелькнувший, обманувший год!*

Заключение

Выявленные в исследовании некоторые общие лингвокогнитивные механизмы формирования ги-

перконцепта поэтических текстов разных авторов основаны на когнитивно-деятельностном подходе к тексту как к форме коммуникации и учете связанных с этим речемыслительных операций анализа, сравнения и синтеза у воспринимающего текст читателя. Использование теории регулятивности, разрабатываемой в коммуникативной стилистике, позволило установить корреляцию лингвокогнитивных механизмов формирования общего смысла текста (*сквозного усилительно-конвергентного, замкнутого последовательно-дополнительного, сопоставительно-парадоксального, сопоставительно-синтезирующего*) с характерными для них регулятивными стратегиями, способами регулятивности, регулятивными средствами и структурами, используемыми авторами текстов, ориентированными на сотворчество с адресатом. Перечень данных лингвокогнитивных механизмов формирования общего смысла текста, стимулированных его системной организацией, может быть дополнен.

Теория регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики позволяет определять значимые для понимания общего смысла текста его элементы и микроструктуры, выявлять регулятивные доминанты и принципы текстовой организации, моделировать общую стратегию ассоциативно-смыслового развертывания текста в сознании читателя.

Актуализация определенного лингвокогнитивного механизма формирования гиперконцепта в текстах автора отражает его речемыслительную деятельность, поэтическую картину мира, идиостиль (когнитивный, коммуникативный, культурно-речевой стили). В выборе способа репрезентации гиперконцепта текста, таким образом, отражаются разные аспекты языковой личности автора. Это направление исследования пока остается недостаточно изученным. Глобальная проблема интерпретации текста и методики его смыслового анализа требует дальнейшей разработки.

Список литературы

1. Богин Г. И. Филологическая герменевтика: учеб. пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. 86 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
3. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб., 1999. С. 243–254.
4. Выготский. Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Брудный А. А. К проблеме понимания текста // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 80–86.
6. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.
7. Зимняя И. А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976. С. 5–33.
8. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
9. Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.

10. Пищальникова В. А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград, 2003. С. 117–120.
11. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
12. Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
13. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
14. Демьянков В. З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 1918. № 4. С. 5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-5-14
15. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филол. журнал. 2006. № 1. С. 144–153.
16. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
17. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
18. Болотнова Н. С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие // Сибирский филол. журнал. 2005. № 3–4. С. 54–60.
19. Болотнова Н. С. Изучение концептуальной структуры художественного текста в коммуникативной стилистике // Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всерос. науч. конф. (27–28 октября 2005 г.). Томск: ЦНТИ, 2005. С. 6–13.
20. Болотнова Н. С. Лексическая регулятивность текста и его концептосфера // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 322–324.
21. Болотнова Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов // Русский язык в школе. 2019. № 1. С. 20–25. DOI.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-20-25
22. Княжицкий А. И. Да здравствует интерпретация! // Русская словесность. 2002. № 2. С. 2–8.
23. Болотнова Н. С. Проблема обучения интерпретационной деятельности в вузе и школе // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2002. № 1. Вып. 1. С. 96–101.
24. Северская О. И. Что же хотел сказать поэт? (От данного к новому и новейшему в постижении образа) // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 52–57.
25. Бабурина М. А. Концепт «Муза» и его ассоциативное поле в русской поэзии Серебряного века: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1998. 20 с.
26. Беспалова О. В. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 24 с.
27. Маршина М. В. Лексическая экспликация концептуальной системы Ф. И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2004. 20 с.
28. Фещенко О. А. Концепт «Дом» в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале поэтических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 22 с.
29. Сергеева Е. В. Художественный концепт «Прозрачность» в поэзии Вяч. Иванова // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всерос. науч. семинара (21 апреля 2006 г.). Томск, 2006. С. 110–114.
30. Яцуга Т. Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Н. Гиппиус: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 30 с.
31. Болотнов А. В. Вербализация концепта *хаос* в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама). Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 287 с.
32. Проскуряков М. Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 38 с.
33. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 39 с.
34. Кабанина О. Л. Сцепление как универсальный тип выдвигания в аспекте регулятивности (на примере стихотворения М. И. Цветаевой «Что другим не нужно – несите мне!») // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 2. С. 40–43.
35. Шутова А. В. Концептуальный анализ художественного текста как основа формирования текстовой компетенции // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 41–45.
36. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. 472 с.
37. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 191 с.
38. Карпенко С. М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н. С. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 26 с.

39. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 30 с.
40. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.

Болотнова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: nsb@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2021

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48

COMMUNICATIVE STYLISTICS: LINGUO-COGNITIVE MECHANISMS OF SENSE INTERPRETATION OF THE POETIC TEXT

N. S. Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The study of verbal and cognitive activity of an author and an addressee in the process of co-creation based on the text as a form of communication remains an urgent problem. The modern cognitive-discursive paradigm of scientific knowledge and development of communicative theory of text offer the challenge in the study of text as an object of perception, interpretation and understanding.

The aim of the article is the detection of some linguo-cognitive mechanisms of hyperconcept forming as a result of interpretative activity by a subject perceiving the text relying on the regulative theory as one of the directions of the communicative stylistics of the text.

Material and methods. The research is examined on the analysis, comparison and generalization of scientific literature on the theory and history of the issue, on the use of the methodology and conceptual and terminological apparatus of the regulative theory, on the application of conceptual, linguistic, semantic and stylistic analysis. The material for the study was the poems of famous Russian poets F. I. Tyutchev, I. A. Bunin, Z. N. Gippius, N. A. Zabolotsky.

Results and discussion. The starting point is the following: the interpretation of the text by the addressee depends on linguo-cognitive mechanisms – verbal and cognitive processes that form the generalized meaning of the text (hyperconcept), stimulated by the general system of the text, including the cognitive operations of analysis, comparison, synthesis based on associative activity and an experience of a person. In identifying the hyperconcept, the regulative strategy of the text, the methods of regulation, the regulatory means and structures which the author used in the text with an orientation towards co-creation with the addressee, “control” of his cognitive activity are important. The lexical system of the text stimulating its associative and semantic deployment in the mind of the reader is especially significant. Interpretive activity presupposes the interconnection of the concepts actualized in the text within the limits of its general conceptual structure based on the relations of complement, enhancement, contrast, inclusion, comparison, generalization. Taking this into account, relying on the regulative theory, the following linguo-cognitive mechanisms of hyperconcept formation were identified: 1) through amplifying-convergent mechanism, associated with the sequential strengthening of the key concept by various regulatory means and structures in the context of the inductive-deductive lexical macrostructure of the text; with repetition as a way of regulation and a regulatory strategy for the stepwise enhancement of the semantic features of the key concept; 2) closed sequential-additional, manifested in a phased artistic-figurative concretization of various signs of a hyperconcept based on the use of a strong regulatory strategy of a homogeneous explicit type and repetition as the main way of regulation; 3) comparative-paradoxical, stimulated by the regulatory strategy of the paradoxical-contrastive type; contrast as the main method of regulation and textual paradigms of the antonymic type as a regulatory dominant; 4) comparative-synthesizing, reflecting synthesis (generalization) on the basis of parallel comparative associative-semantic deployment of different facets (features) of the key concept, stimulated by a stepped lexical macrostructure of the inductive-deductive type.

Conclusion. The use of the regulative theory and its conceptual and terminological apparatus makes it possible to determine some of the patterns organized by the interpretive activity of the addressee and the linguo-cognitive mechanisms of the formation of the general meaning of the text given in the poetic text. Obtained observations are of interest for further development of the problem of notional interpretation and methods of semantic analysis of the text.

Keywords: *communicative stylistics, regulative theory, interpretation, linguo-cognitive mechanism, hyperconcept, poetic text.*

References

1. Bogin G. I. *Filologicheskaya germeneytika: uchebnoye posobiye* [Philological hermeneutics: textbook]. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1982. 86 p. (in Russian).

2. Bart R. Smert' avtora [Death of the author]. In: Bart R. *Selected works: semiotics*. Poetics. Moscow, 1994. Pp. 384–391 (in Russian).
3. Gadamer H.-G. Tekst i interpretatsiya [Text and interpretation]. *Germenevtika i dekonstruktsiya* [Hermeneutics and Deconstruction]. Eds. W. Stegmayer, H. Frank, B. V. Markov. Saint Petersburg, 1999. Pp. 243–254 (in Russian).
4. Vygotskiy L. S. *Myshleniye i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p. (in Russian).
5. Brudnyy A. A. K probleme ponimaniya teksta [On the problem of understanding the text]. *Issledovaniye rechemyslitel'noy deyatel'nosti* [Research of speech-thinking activity]. Alma-Ata, 1974. Pp. 80–86 (in Russian).
6. Brudnyy A. A. *Psikhologicheskaya germenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow, Labirint Publ., 2005. 336 p. (in Russian).
7. Zimnyaya I. A. Psikhologicheskaya skhema smyslovogo vospriyatiya [Psychological scheme of semantic perception]. *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in conditions of mass communication)]. Moscow, 1976. Pp. 5–33 (in Russian).
8. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatiye* [Text and its perception]. Sverdlovsk, UrFU Publ., 1991. 171 p. (in Russian).
9. Zalevskaya A. A. *Tekst i ego ponimaniye* [The text and its understanding]. Tver, Tver State University Publ., 2001. 177 p. (in Russian).
10. Pishchal'nikova V. A. Emotsional'naya dominanta teksta: perevodcheskiy aspekt [Emotional dominant of the text: translation aspect]. *Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya* [Emotive language code and its implementation]. Volgograd, 2003. Pp. 117–120 (in Russian).
11. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 tomakh. Tom 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: In 3 volumes. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra Publ., 1992. 479 p. (in Russian).
12. Gasparov M. L. *O russkoy poezii: Analizy, interpretatsii, kharakteristiki* [On Russian poetry: Analyzes, interpretations, characteristics]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2001. 480 p. (in Russian).
13. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy jazykoznanija – Topics in the study of language*, 1994, no. 4, pp. 17–33 (in Russian).
14. Dem'yankov V. Z. Transfer idey germenevtiki v kognitivnyuyu lingvistiku [Transfer of ideas of hermeneutics into cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-5-14 (in Russian).
15. Golev N. D., Kim L. G. Ob otnosheniyakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma [On the relationship between addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2006, no. 1, pp. 144–153 (in Russian).
16. Boldyrev N. N. Problemy verbal'noy kommunikatsii v kognitivnom aspekte [Problems of verbal communication in the cognitive aspect]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2017, no. 2, pp. 5–14 (in Russian).
17. Boldyrev N. N., Grigor'eva V. S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeystviya [Cognitive dominants of speech interaction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4, pp. 15–24 (in Russian).
18. Bolotnova N. S. Tipy verbalizovannykh v tekste khudozhestvennykh kontseptov i ikh vzaimodeystviye [Types of artistic concepts verbalized in the text and their interaction]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2005a, no. 3–4, pp. 54–60 (in Russian).
19. Bolotnova N. S. Izucheniye kontseptual'noy struktury khudozhestvennogo teksta v kommunikativnoy stilistike [Study of the conceptual structure of a literary text in a communicative style]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost': materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (27–28 oktyabrya 2005 g.)* [Literary text and linguistic personality: Materials of the IV Russian National Scientific Conference (October 27–28, 2005)]. Tomsk, TsNTI Publ., 2005 [b]. Pp. 6–13 (in Russian).
20. Bolotnova N. S. Leksicheskaya regulativnost' teksta i ego kontseptosfera [Lexical regulation of the text and its conceptual sphere]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2015, no. XXII, pp. 322–324 (in Russian).
21. Bolotnova N. S. Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k postizheniyu ego tsennostnykh smyslov [The lexical structure of a poetic text as a key to comprehending its value meanings]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2019, no. 1, pp. 20–25. DOI.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-20-25 (in Russian).
22. Knyazhitskiy A. I. Da zdravstvuyet interpretatsiya! [Long live interpretation!]. *Russkaya slovesnost'*, 2002, no. 2, pp. 2–8 (in Russian).
23. Bolotnova N. S. Problema obucheniya interpretatsionnoy deyatel'nosti v vuze i shkole [The problem of teaching interpretive activity in the university and school]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NSU*, 2002, no. 1, issue 1, pp. 96–101 (in Russian).
24. Severskaya O. I. Chto zhe khotel skazat' poet? (Ot dannogo k novomu i noveysheму v postizhenii obraza) [What did the poet want to say? (From the given to the new and newest in comprehending the image)]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2010, no. 9, pp. 52–57 (in Russian).
25. Baburina M. A. Kontsept "Muza" i ego assotsiativnoye pole v russkoy poezii Serebryanogo veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Concept "Muse" and its associative field in Russian poetry of the Silver Age: Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 1998. 20 p. (in Russian).

26. Bespalova O. V. *Kontseptosfera poezii N. S. Gumileva v eye leksicheskoy predstavlenii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The conceptual sphere of the poetry of N. S. Gumilyov in her lexical presentation. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2002. 24 p. (in Russian).
27. Marshina M. V. *Leksicheskaya eksplikatsiya kontseptual'noy sistemy F. I. Tyutcheva*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Lexical explication of F. I. Tyutchev. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. SPb., 2004. 20 p. (in Russian).
28. Feshchenko O. A. *Kontsept "Dom" v khudozhestvennoy kartine mira M. I. Tsvetaevoy (na materiale poeticheskikh tekstov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept "House" in the artistic picture of the world of M. I. Tsvetaeva (on the material of poetic texts). Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Novosibirsk, 2005. 22 p. (in Russian).
29. Sergeeva E. V. *Khudozhestvennyy kontsept "Prozrachnost" v poezii Vyacheslava Ivanova* [The artistic concept "Transparency" in the poetry of V. Ivanov]. *Khudozhestvennyy tekst: Slovo. Kontsept. Smysl: materialy VIII Vserossiyskogo nauchnogo seminara (21 aprelya 2006 goda)* [Fiction text: Word. Concept. Meaning: Proceedings of the VIII Russian National Scientific Seminar (April 21, 2006)]. Tomsk, 2006. Pp. 110–114 (in Russian).
30. Yatsuga T. E. *Klyucheveye kontsepty i ikh verbalizatsiya v aspekte regulativnosti v poeticheskikh tekstakh Z. N. Gippius*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Key concepts and their verbalization in the aspect of regulation in poetic texts by Z. N. Gippius. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tomsk, 2006. 30 p. (in Russian).
31. Bolotnov A. V. *Verbalizatsiya kontsepta khaos v poeticheskoy diskurse serebryanogo veka (na materiale tvorчества M. I. Tsvetaevoy, M. A. Voloshina, O. E. Mandel'shtama)* [Verbalization of the concept of chaos in the poetic discourse of the Silver Age (based on the works of M. I. Tsvetaeva, M. A. Voloshin, O. E. Mandelstam)]. Tomsk, TSPU Publ., 2010. 287 p. (in Russian).
32. Proskuryakov M. R. *Kontseptual'naya struktura teksta: leksiko-frazeologicheskaya i kompozitsionno-stilisticheskaya eksplikatsiya*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Conceptual structure of the text: lexico-phraseological and compositional-stylistic explication. Abstract of thesis dr. of phil. sci.]. Saint Petersburg, 2000. 38 p. (in Russian).
33. Churilina L. N. *Antropotsentrizm khudozhestvennogo teksta kak printsip organizatsii ego leksicheskoy struktury*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Anthropocentrism of a literary text as a principle of organizing its lexical structure. Abstract of thesis dr. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2003. 39 p. (in Russian).
34. Kabanina O. L. *Stsepleniye kak universal'nyy tip vydvizheniya v aspekte regulativnosti (na primere stikhotvoreniya M. I. Tsvetaevoy "Chto drugim ne nuzhno – nesite mne!")* [Clutch as a universal type of advancement in the aspect of regulation (on the example of M. I. Tsvetaeva's poem "What others don't need – bring me!")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 2, pp. 40–43 (in Russian).
35. Shutova A. V. *Kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta kak osnova formirovaniya tekstovoy kompetentsii* [Conceptual analysis of literary text as the basis for the formation of textual competence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 41–45 (in Russian).
36. Shchirova I. A., Goncharova E. A. *Mnogomernost' teksta: ponimaniye i interpretatsiya: uchebnoye posobiye* [Multidimensionality of the text: understanding and interpretation: a tutorial]. Saint Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2007. 472 p. (in Russian).
37. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 191 p. (in Russian).
38. Karpenko S. M. *Assosiativnye svyazi slova v uzuse i poeticheskoy tekste (na materiale tvorчества N. S. Gumileva)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Associative connections of the word in the usage and the poetic text (based on the work of N. S. Gumilyov). Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tomsk, 2000. 26 p. (in Russian).
39. Vasil'yeva A. A. *Leksicheskyy aspekt assosiativnogo razvertyvaniya poeticheskikh tekstov O. E. Mandel'shtama*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The lexical aspect of the associative deployment of poetic texts by O. E. Mandelstam. Abstract of thesis cand. of phil. sci.]. Tomsk, 2004. 30 p. (in Russian).
40. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 140 p. (in Russian).

Bolotnova N. S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: nsb@tspu.edu.ru